

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ

- Этери, - останавливает меня на съезде Союза театральных деятелей Андрус Лаазик, недавно ставший заведующим литературной частью театра драмы. - Наверное, твои читатели думают, что у нас в театре больше трансляции нет - к нам совсем перестал ходить русский зритель. Не можете ли вы с Элой написать, что у нас все по-прежнему и трансляция не отменена?

Господи, с восторгом! Это самая приятная для меня новость за все последнее время. Если не единственное, то уж, во всяком случае, одно из немногих свидетельств, что эстонская культура не стремится накрепко закрыться от "непосвященных", в данном случае, от зрителя, не владеющего или плохо владеющего языком. Что не ставится под сомнение любовью к театру тех местных жителей, кто по-эстонски не говорит. И что любители Чехова смело, без опасения потерять смысловые нюансы, могут идти смотреть замечательного "Иванова", поставленного молодым режиссером Эльмо Нюганеном достаточно нетрадиционно, что они увидят чудесных актеров - Айна Луссеппа, Иту Эвер, Юри Крюкона, Керсти Крейсманн, Марию Кленскую, Пирет Калда, Мати Клоорена... "Иванов" - хит прошлого сезона, билеты на спектакль раскупались за месяц вперед - это в наши-то дни, в эстонском театре! Здесь смотрят "Иванова" так же, как в Москве знаменитый трушкинский "Вишневый сад" или в Вильнюсе "Дядю Ваню" Некрошюса, - переломный момент эпохи один из всех, и

Чехов, великий диагност нового времени, тоже один из всех, и публика везде одинакова.

Как хорошо, когда одним разочарованием меньше!

Андрус Лаазик - человек основательный, и не в его характере не доводить дело до конца. Спустя некоторое время я получила приглашение на встречу - Андрус Лаазик вместе со своей помощницей Рут Вейдебаум пригласил журналистов русских редакций обсудить, как сделать информацию о новых спектаклях Театра драмы постоянно доступной русскому зрителю.

Кое-что придумали, но разговор все время поворачивал еще к одной нашей собеседнице - Майе Соорм, переводчице театра, человеку, чьим голосом говорили по-русски герои спектаклей по Таммсааре и Чехову, О'Нилу и Шекспиру, Круусваллу и Вейгемаа, Льву Толстому и Морису Метерлинку. Восемнадцать лет она работает в театре и, подумать только, полноправный участник спектакля, она никогда не видит своего зрителя, но всегда знает, сколько людей слушают перевод через наушники. Она не видит зрителей, но хорошо представляет себе этих людей, которые ходят в театр потому, что их интересует искусство, а не потому, что это модно или престижно. Правду сказать, в русской общине никогда не было модным ходить в эстонский театр - ходили те, кто любит искусство независимо от того, на каком языке оно говорит.

Что нас сегодня тревожит, Майя?

Я даже спрашивать боялась, сохранилась ли в Театре драмы традиция трансляции спектаклей на русский язык. На положительный ответ рассчитывать было трудно: у кого это будет болеть голова о переводе на русский в то время, как почти везде этот перевод исчезает. Знала досконально - в "Ванемуйне", где в свое время работала переводчицей замечательная Валерия Барсова, трансляции больше нет. И, приходя на спектакли в Театр драмы, наушники для перевода даже не спрашивала, стараясь, как всегда, заранее прочитать пьесу на русском.

И вдруг...

- Что эти люди сегодня не приходят к нам в театр.

- Их было много?

- Нет, много их не было, но человек по пятнадцать-двадцать на спектакле бывало. И вот мы думаем, что, наверное, они просто не знают, что в нашем театре в этом плане ничего не изменилось, их по-прежнему ждут.

- Конечно, и информации стало меньше, раньше были и месячные афиши театра с сообщениями, какие спектакли транслируются на русский. И люди стали жить труднее. И билеты стали дороже. Тут, наверное, комплекс причин. А вы не заметили, люди перестали ходить вдруг, внезапно, или их число уменьшалось постепенно?

- Практически вдруг, где-то

в середине прошлого года. И это очень обидно, что такая возможность не используется.

- А как вы пришли к этой профессии? Помните первый спектакль, который переводили?

- Достаточно случайно пришла. Первый спектакль, конечно, помню. Это был "Мужчина, женщина и концерт" Бэра. Комедия. Я думала, что хорошо знаю русский язык и хорошо знаю спектакль. Кроме того, основательно подготовилась - три раза прочитала текст. И решила, что все в порядке. Села за микрофон, начался спектакль, Эйно Баскин заговорил своим великолепным голосом - и почему-то очень быстро. Я так быстро не успевала. Дальше - еще быстрее. Я ничего не

понимала: как же это так, он произносит третье слово в предложении, а я и полтора не успеваю проговорить. Только к концу спектакля поняла, что русское слово, как правило, длиннее эстонского, и я должна говорить быстрее. Баскина, чтобы успевать. Но быстрее Баскина говорить невозможно. И я решила, что мой дебют останется без продолжения, что мне здесь не работать. На следующий день я пришла в театр и - о, ужас! Опять "Мужчина, женщина и концерт". Замена. Спектакль заменили, а меня нет. Так и пришлось остаться.

- Не жалеете?

- Нет, что вы.

- Но вы очень четко работаете, я как ваш слушатель со стажом свидетельствую.

Реплики совершенно совпадают.

- Это пришло с опытом, я поняла, что нужно не текст читать, а актеров слушать и работать параллельно с ними. Тогда реплики синхронны.

- А у вас есть спектакли, которые особо запомнились?

- Конечно! "Святое озеро" у меня было самым страшным - вдруг уже во время действия выяснилось, что в моем тексте отсутствует почти пять страниц. Как так получилось - до сих пор не знаю. Что было делать? Тогда я впервые сделала прямой синхрон, актер говорит - я перевожу. И вот представьте, я вдруг запинаясь - и Ита Эвер на сцене запинаяется. Она вдруг замолчит - и у меня слова из горла не идут. Такая атмосфера

ра возникла между нами, что я почувствовала что-то новое, какую-то связь между актерами и переводчиком. Другим таким спектаклем был для меня "Гарольд и Мод". Картошкой слово во рту вертится, а выговорить его не можешь - глядишь, и с актером на сцене то же самое происходит. Но это, конечно, возникает, когда полностью входишь в спектакль.

- А были нелюбимые спектакли?

- С Шекспиром мне всегда не везло. На гастролях в Москве вообще кошмар был. Там во втором акте реплика - "угром польские войска перешли границу". А это было во время каких-то очередных польских событий. Я читаю реплику, дверь в мою каморку открывается, влетает какая-то бабуля и с порога кричит: как это можно? Своими словами? Шекспира? Я ей показываю - это не мои слова, это пастернаковский перевод. Еле убила. И с тех пор пошло: как Шекспир - так у меня какие-то неприятности. Интересно, что я Шекспира люблю и, как мне кажется, понимаю. Но не везет.

- А как вы подбираете перевод для Шекспира - их же много, разных авторов?

- К спектаклю подбираю. Иногда даже приходилось так делать: один акт использую перевод Щепкиной-Куперник, например, а другой - Пастернака, в зависимости от настроения акта. Я - посредница между актерами и слушателями и должна выбрать тот вариант, который ближе всего нашему спектаклю.

- А любимые спектакли были?

- "Три сестры" Незабываемый, очень тяжелый для всех - и для актеров, и для техников, и для меня. Но я

проснулась в день спектакля с предвкушением праздника - сегодня "Три сестры". Я бы хотела, чтобы в театре были не комедии и трагедии, а праздники. А их становится все меньше, к сожалению.

- Это везде. Пока.

- Но - появился "Иванов", и опять появилось ощущение праздника.

- Поразительно - вы заняты в спектакле наравне с актерами.

- Однажды одна актриса меня спросила - не скучно тебе одной в своей каморке? Меня это просто оскорбило. Я спросила - а вам не скучно на сцене? Ну что ты, говорит, у меня партнеры, костюмы, грим. А у меня, говорю, все актеры-партнеры.

И все-таки однажды она вышла на сцену. Вернее, ее вытащили. Это было в день, когда спектакль Театра драмы смотрели работники завода "Двигатель". У Майи, по закону подлости, началась ангина, она сидела в кабине вся закутанная и в сапогах. После спектакля ее просто потребовали на сцену, вручили цветы. Тогда она впервые увидела своих зрителей, доброжелательных и внимательных.

Спасибо вам, Майя. Спасибо Театру драмы, что в наше время всеобщей экономики он пытается не разрушить то, что сделано, и позволяет себе "роскошь" - трансляцию для русских зрителей. Я очень надеюсь, что таких зрителей станет все больше и больше. Тем более, что и Майя, и Андрус и Рут меня в три голоса заверяли, что настоящий классический эстонский язык можно услышать только в театре, и для тех, кто учит эстонский, театр может многое открыть дополнительно.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.